

Зая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Настя Дробышева

18+

Настя Дробышева Зая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66991632

SelfPub; 2021

Аннотация

Нина живёт карамельной жизнью миллениала: кофе, аниме, смартфон, бойфренд. Своего парня она ласково называет Зая. А в один прекрасный день просыпается, а любимый Зая превратился в настоящего зайца – с длинными ушами и шерстью. Нина учится жить в новой реальности, в которой надо готовить, оплачивать счета, да ещё и нести ответственность за животное. Но хватает её, конечно, ненадолго. Феминизм, абьюз, созависимость и прочие модные слова. Оммаж "Превращению" Кафки. Милый рождественский триллер.

Содержит нецензурную брань.

Настя Дробышева

Зая

**

А ведь раньше я думала, что могу засыпать только одна... Распластавшись на одеяле с тюльпанами, обнимая мишку и пуская слюни на наволочку... А теперь ты лежишь рядом, такой большой и тёплый, храпишь и посвистываешь, а я просыпаюсь от этого среди ночи и толкаю тебя в бок, а потом глажу по чёлке, пушистой, пахнущей шампунем, и благодарю моего маленького личного бога – который подмигивает мне фонариками.

А утром я просыпаюсь оттого, что ты не спишь. Ты усиленно дышишь забитым носом, отвернувшись к батарее. Я злюсь и метким движением выдавливаю тебе прыщ на спине. Ты вскрикиваешь и роняешь мобильник. Обнимашки. И ты убегаешь в ванную наконец-то высморкаться, а я, свесив шею с кровати, прочитываю пару строк в твоём телефоне. Статья на «Медузе». Скучно. Я заворачиваюсь в плед и глазею в окно. Серенький бизнес-центр напротив сегодня озолотило солнышко. Впервые за девять дней. Я лыблюсь, как анимешка, и молочу ногами по постели. А потом вскакиваю на неё.

Когда я в прыжке ударяюсь лбом о полку и взвизгиваю, приходишь ты. С кофе и круассанами. Ка-а-ак? Я забываю при-

ложить к шишке лёд и кидаюсь тебе навстречу. Ты ставишь покупки на стол и крутишь меня, крутишь... От тебя веет морозом, первым ноябрьским морозцем. Ой, под правым глазом вылезла болячка! Я хмурюсь и причитаю, а ты машешь рукой и отпускаешь какую-то омерзительно смешную шутку. Ржу и утыкаюсь носом тебе в плечо. Ты большой и мягкий. Мой Зая.

**

Ночью я снова просыпаюсь от храпа и пихаю тебя в бок. Ты подскакиваешь, как ужаленный, и шлёпаешь в ванную... Полоска света из-под двери дребезжит на зеркале очень долго. Ты громко сморкаешься и сплёвываешь. Я зажимаю голову подушками и отворачиваюсь к батарее. На экране мобильного мелькают цифры «2:03», я закрываю глаза и выпадаю из реальности.

В 7:00 меня разбудило привычное «та-ра-та-та-тай-та», я отключила будильник и резко встала. Слабый свет сонных фонарей проникал сквозь чёрные шторы. Кровать была пуста. Я хмыкнула и спешно щёлкнула выключателем. Жмурясь, шагнула в коридор. Из закрытой ванной пробивался свет.

– Зая, ты скоро? – я побарабанила по двери. Тишина. – Ау!

Ничего. Ни сморкания. Ни отхаркивания. Ни плеска во-

ды. Ни журчания мочи.

– Зая, ты там?

А вдруг он заснул на стульчаке? А если у него сердечный приступ?

Я с силой дёрнула дверь, оборвав проволочную защёлку.

Пусто? Хм. Я взглянула вправо и ойкнула.

В раковине дрожал облезлый пуховой комок. Я отшатнулась. Комок зашевелился, и я рассмотрела тёмно-русые передние лапки, сцепившиеся на уровне глаз. Оно живое! Левая лапка нерешительно опустилась, и я увидела круглый буро-зелёный глаз, уставившийся на меня огромным смоляным зрачком. Уши завибрировали и выпрямились. Заяц? Я протянула ладонь, и мокрый нос нервно потыкался в кольцо на моём безымянном пальце. Зая? Мой Зая?

**

Не знаю как, но я сразу поняла, что это ты. Мой Зая. Ты так же хлюпал носом и резко замирал от громких звуков. Ты долго дрожал, и успокоился, лишь когда я посадила тебя на твою подушку – старомодную, перьевую, с шоколадной наволочкой. Ты тут же в ней окопался, и только кончики ушей напряжённо торчали из «норки». Когда я поставила перед тобой миску с морковкой, ты подёргал носом. Усы запрыгали, я улыбнулась. Ты повернул мордочку, и я увидела в правом глазу конъюнктивит. И слёзку. Бедный Зая!

Надо что-то придумать. Что едят зайцы? Морковь и ка-

пусту? Или это стереотипы из сказок? Может, ему вообще нельзя морковь? Я занервничала и открыла ноутбук.

Чёрт! Оказывается, их бывает аж тридцать видов! Я-то знаю только русака да беляка. Придётся проверить. Я тихонько подошла к тебе со смартфоном. Ты фыркнул и отвернулся.

– Надо, Зая, надо! – я погладила тебя по шерстке, и ты распластался, как желе.

Я направила камеру на мордочку и сделала снимок.

– Это заяц русак, – безапелляционно отозвалась Алиса.

– Слава богу! – выдохнула я. – Уже проще!

Запрос «заяц русак в домашних условиях» выдал гигантскую статью. Я углубилась в чтение, а ты хрустел морковкой в своём убежище.

Фрукты, овощи – это всё понятно. Ветки? Точно, зайцам же нужно грызть. Свежая зелень... С этим уже сложнее. Где я отыщу зелень в конце ноября? Вот пишут, что можно набрать хвойных веточек...

– Зая, ну что, ходим в субботу в Сосновку погулять? – я глянула в сторону шевелящейся подушки, торчащие уши миглом пригнулись, хруст прекратился. – Да ты чего испугался? Конечно, я не выброшу тебя. И не утоплю в болоте. Ты чего? – ты посопел и продолжил есть.

Вес? Возраст? И это всё тоже нужно определять! Я побарабанила по тачскрину. Ну, заяц очевидно крупный. Я встала, сняла с крючка свою льняную экосумку и решительно

шагнула к кровати. Ты вздрогнул и уполз под подушку. Я резко скинула её, ты затрясся и сжался в комок. Из рта выпала обгрызенная морковная кочерыжка.

– Зая, полезай в мешок! – я подтолкнула тебя к раскрытой сумке. Ты чуть поднял мордочку, смоляные зрачки в ужасе расширились, ты пригнулся. Я подхватила тебя – пушистого, горячего, дрожащего – и плюхнула в сумку. Та тут же задёргалась и завибрировала.

Тяжёлый какой! Я прошла на кухню и повесила сумку на безмен.

– Спокойно, Зая, уже скоро! – на безмене высветились цифры. – Шесть кило девятьсот! Ничего себе! Огромный!

Сумка тряслась, как одержимая. Вдруг дно потемнело, и из материи закапало.

– Зая! – я всплеснула руками и быстро вытащила тебя наружу. – Ну как же так?

Ты смешно бухнулся на попу, прижал уши и закрыл лапами глаза. Мокрая шерсть топорщилась. По кафелю расплзлась лужа мочи.

Я хмурилась. От брезгливости, досады и едкого запаха.

**

В окно глядела белая луна. Мой личный маленький бог из огоньков и фонариков сегодня взирал на меня изумлённо. Мда, странная история. Я перевернулась на бок. Ты сопел рядом, завёрнутый в полотенце. Растянулся на подушке,

огромный, мягкий, пуховый.

Я вымыла тебя детским шампунем, посадив в тазик, как было показано в видео на ютубе. Ты был грустный, насупленный и совсем не сопротивлялся. Пол я очистила кофейной гущей. Кажется, больше не воняет. На форуме мне рассказали про памперсы для кроликов... Завтра же надо купить. И что-нибудь от конъюнктивита. Хорошо бы и к ветеринару тебя свозить. Да, Зая? Я погладила тебя по мокрой холке, и ты пошевелил носом. От тебя пахло знакомой смесью мускуса, цитруса и пыли – такой дурацкой, такой любимой: я побрызгала тебя твоим одеколоном. Надеюсь, зайцам это не вредно...

Прости, Зая, я хотела постелить тебе в тазике. И, наверное, если бы под рукой не нашлось одеколona, я бы так и сделала. Прости.

Ты зевнул, сверкнув во тьме своими белоснежными резцами. На губе блеснула слюнка. Ты шмыгнул носом. Я улыбнулась и закрыла глаза. Мускусно-пыльный запах, тепло рядом и такое родное горловое дыхание – у тебя опять забит нос? Ты всегда неправильно дышишь, Зая. Помнишь, как я просыпалась ночью и закрывала тебе рот ладонью, чтобы ты дышал носом? А ты дёргался, бледнел, и я отпускала руку. Ты делал судорожный горловой вдох – резкий, противный. Я бесилась, затыкала уши наушниками, врубала случайное ASMR и ныряла под одеяло. А утром за завтраком ты рассказывал мне, что тебе снилось, как тебя душат. Мы смея-

лись и жевали пышки...

Я ощутила влагу на виске и вдруг поняла, что плачу.

– Зая! – я распахнула слипшиеся глаза и поцеловала тебя в нос. Сухой, бархатный. На губах остался привкус травы и горечи. – Спокойной ночи, Зая!

**

Ветеринар сказал, что у тебя линька, и прописал витаминные добавки и альбуцид от конъюнктивита.

Утром перед работой мы по традиции чаёвничали. Я пила молочный улун из своей модной стеклянной кружки, а ты пыхтел рядом, на подстилке, с тампонами, смоченными в чифире, на слезящихся глазках. Это тоже от конъюнктивита.

За окном, в фиолетовой тьме, порхали пухлые снежинки. Из колонок согревающе пела твоя любимая Билли Холидей: “Hush now, don’t explain, just say you’ll remain...”

– Скоро Новый год, Зая.

Я погладила тебя по лбу – ты шевельнул носом.

– Что ты хочешь на Новый год, Зая? Килограмм морковки? Новую подушку? – я усмехнулась и посмотрела на часы: пора было выходить. – Потому что новый монитор, боюсь, тебе теперь ни к чему!

Я решительно отставила кружку и встала. Ты сидел не шелохнувшись.

– Вчера звонили с твоей работы, Зая, – я неумело красила губы левой рукой и поглядывала на тебя в зеркало. Ты на-

хохлился, как курица. Нет – как индейка. Гигантская бройлерная индейка. – Я сказала, что ты на больничном.

Ты дёрнулся, и один чайный тампон упал на подстилку. Теперь ты выглядел как одноглазый Джо в мультфильме для девочек.

– Ну, а что мне надо было сказать?.. – я подошла к тебе и прилепила тампон на место. – Глазик почти выздоровел! Не то что моя рука... – проворчала я, помотав перед твоим носом перебинтованной кистью. Ты задрожал. – Ладно, мир. Проехали уже.

Я стала обуваться.

– Не бесись тут без меня, не скучай! Туалет – в песке, и только там! Еда – в миске! – я потрепала тебя по холке перевязанной рукой и чмокнула в мохнатый нос. – Люблю тебя, Зая!

Ты покорно потёрся мордочкой о бинт. Кажется, тебе стыдно. Ещё бы! Ведь вчера у ветеринара ты со всей дури лягнул меня своими лапищами! Знаешь, Зая, абьюза в семье я не потерплю.

**

Вечером я шагнула во мрак квартиры, и меня обдало режущим холодом. Неужели я не закрыла окно?

Дверь в комнату была распахнута настежь и зловеще поскрипывала. Меня пробил озноб.

– Зая! – я бросила сумку и крикнула во тьму. – Где ты,

Зая?

Щёлкнула выключателем, подскочила к окну, захлопнула ставни. Осмотрелась. Снова распахнула окно и высунулась по пояс.

– Зая! – морозный ветер полоснул по щекам, я запрыгнула на подоконник и, держась за раму, вгляделась в черноту асфальта. Внизу просигналила машина, закутанный прохожий приостановился на секунду и, натянув капюшон, просеменил мимо. Я сощурилась: кирпичики тротуарной плитки, забитые урны, канализационные люки с пятнами испражнений на крышках. Везде что-то дёргалось и белело: сигареты зажигались и гасли, плевки поблёскивали и замерзали, полиэтиленовый пакетик летал по автотрассе. Голова закружилась. Я отшатнулась от окна и закрыла ставни.

– Зая! – я выбежала в коридор, метнулась в ванную, выскочила в кухню. Глянула в ящики, холодильник, мусорный бак. Кинулась назад в комнату, залезла под стол, отшвырнула пуф, разбросала стулья...

– Где ты, Зая? – прошептала я, стоя перед смятой подушкой. – Прости меня!

Щёки мои горели. От ужаса и вины.

Я упала на кровать и зарыдала.

– Я просто забыла, Зая... – хрипела я в пододеяльник, заплёбываясь слезами и слизью. – Просто забыла, прости...

Я с силой ударила себя кулаком по лбу и закашлялась.

Вдруг откуда-то снизу донёсся шорох. Я замерла и по-

смотрела на пол.

Из-под кровати показались уши.

– Зая! – я села на паркет и вытащила тебя из укрытия. – Прости меня, Зая!

Я сгрэбла тебя в объятия и поцеловала. Ты уткнулся носом мне в шарф и свернулся калачиком – тяжёлый, взъерошенный, тёплый, мой. Мой Зая.

– Ты же не пытался покончить с собой, правда? Ты же не бросишь меня, Зая? Я так тебя люблю! – шептала я в ухо, баюкая тебя, как ребёнка.

Я легла на пол, прямо в пальто и ботинках. Ты сопел за пазухой. Я слышала гулкое биение сердца. Твоего или моего – не знаю.

Тускло светила лампа, за окном скрежетали шины, уютно грела батарея. Между ресницами затанцевали тени, и я закрыла глаза.

Проснулась я оттого, что ты чихал. Значит, всё-таки простудился.

Я села, опершись о кровать. Минутная стрелка дрогнула и задержалась на четверти первого. Огни за окном гасли и гасли... Мой маленький бог из фонарей сегодня был одноглазым.

На красном войлоке пальто серели комки пыли. По моей ноге полз шустрый жучок-кожеед. Я стряхнула его на паркет и погладила тебя по спинке. Ты тихонечко заурчал.

**

В субботу мы гуляли в Сосновке. Мои резиновые сапожки хлюпали по болотной слякоти, голые деревья беспомощно тянулись в белое небо. Ты пыхтел у меня под курткой, изредка высовывая мордочку и нюхая сырой воздух. Уже в четыре закат высветил верхушки сосен – таким же белым, как небо, унылым сиянием. Ты был под стать всей этой тоске – сонный, облезлый, неопределённого цвета, странной судьбы, ты затерялся бы среди этой тихой серости, как росточек чего-то путного среди плесени в горшке.

– Это не случайная метафора, Зая! – я щёлкнула тебя по носу перчаткой, и, кажется, ты улыбнулся. – Всё, что ты выращивал на подоконнике, кануло в Лету.

Ты любопытно повернул на меня морду и расширил свои тёмные глазищи.

– Да, Зая! Лучок мы с тобой слопали, а всё остальное... Я даже не знаю, что это было. Но сейчас там плесень и мошки. Ты уж прости, но землю я выкину...

Я не стала говорить, что забыла поливать твою рассаду. А когда вспомнила, бахнула в неё полбутыли воды за раз.

Мне очень не нравится, как изменилась наша жизнь. И дело даже не в том, что теперь мне приходится по вечерам плестись в супермаркет и тащить домой тяжеленные сумки. Хотя кого я обманываю? Именно в этом. А ещё в том, что я пляшу на кухне до девяти вечера, чтобы сварганить себе что-то посытнее яичницы, а тебе настрогать корнеплодов и

вычесать шерсть. Потом вымыть – руки, расчёску, посуду, плиту, пол, снова руки.

– Мне тебя не хватает, Зая! – я присела на корточки у какого-то корявого куста и посадила тебя на гнилую бурую листву. Ты скукожился и посмотрел на меня недоумённо. Я принялась ломать сухие ветки и складывать их в рюкзак. Твой огромный походный рюкзак цвета хаки, который придавливал меня, как панцирь. – Я так скучаю по тебе, Зая! Помнишь, как мы гуляли тут весной... Какое солнышко светило! Пахло так сладко! Я скучаю...

Я взглянула на тебя. Ты мелко трясся.

– Зая, тебе холодно? – я, правда, удивилась. – У тебя же шерсть!

Я опрокинула рюкзак и положила тебя внутрь, на ветки. Твои круглые влажные глаза беспомощно блеснули из темноты.

– А ты по себе скучаешь, Зая? – я продолжила ломать сучья. – По коже, по росту, по голосу? М-м? Или уже привык? – я швырнула в рюкзак ещё веток и, похоже, хлестнула тебя по морде. Что-то дёрнулось во тьме. – Прости... Может, ты мечтаешь о капучино с корицей? Или о свиных ушках в кляре? Наверное, ты хочешь позадротить в свои стрелялки...

Вчера я чистила компьютер и не смогла удалить ярлык с твоей игрой! Я даже закинула его в корзину, а потом вдруг разрыдалась от пустоты на рабочем столе. Нажала «восстановление». Почему-то этот нелепый зелёный гоблин на ла-

зурном небе «Виндоус» меня успокаивает.

– Ты стал очень много спать, Зая! Так нельзя! Мы почти не общаемся... – я сделала несколько шагов по палой листве, чтобы поднять сосновую ветку. Вдруг почва чавкнула, и моя правая нога увязла по щиколотку. – Чёрт! – примерно так выругалась я и сильным рывком вытащила сапог из трясины. Хрупкое равновесие было утрачено. Надо мной прохотали чёрные кроны, белый закат перевернулся вверх тормашками, и я шлёпнулась на задницу.

Какого чёрта, ну в самом деле? Джинсы были в мокрой грязи, по голубой куртке протянулась серая оторочка, в загаженном сапоге хлюпала вода. Я не материлась, я скулила.

Вытирая запачканные ладони влажной салфеткой, я вспомнила прошлую весну, Зая. Я тогда так же шагнула в неизвестность, поскользнулась, но ты, большой и надёжный, поймал меня своими ручищами. Мы смеялись и чистили мой ботинок. Нам хватило всего двух салфеток!

Я смяла пустую грязную пачку и брезгливо сунула её в карман. Небо из белого стало пепельным. Ты копошился в рюкзаке и, кажется, уже грыз ветку. Пора было уходить.

**

Ты заболел! А я наивно полагала, что твой чих пройдёт сам собой. Не надо было в лес тащиться...

Ты стал горячее, глазки опять слезятся, нос весь в соплях и кашель. Раньше ты бы проглотил таблетку парацетамола и

заказал кучу том ямов с доставкой. Запил бы всё стопкой и заснул под двумя одеялами с влажным полотенцем на лбу. А в четыре утра вскочил бы с кровати, бодрый, потный, и прыгнул за компьютер. Я бы проснулась от клацанья клавиш и боролась с желанием запулить в тебя подушкой. Или залить соком клавиатуру. Но вспомнив, что сегодня выходной, я бы, тихо ворча, поплелась ставить чайник и включать ночник. Чтобы, разлепив веки, полистать в уюте какую-нибудь дребедень под громыхание ливня по кровле. Всё было так понятно...

Я полночи провела на «кроличьих» форумах... В восемь утра я уже покупала в аптеке шалфей, вазелиновое масло и перекись водорода. Очереди не было, рассеянная провизорша подошла только через пять минут после звяканья музыки ветра. Беленькая такая, улыбчивая. Зевала так мило. Знаешь, даже уходить оттуда не хотелось. Там было так светло и чистенько! И пахло мятой и всякими эвкалиптами. А за дверью – не музыка ветра, вот МЧС опять предупредило о шторме. Я натянула капюшон и под косой снегодождь пошлёпала по блестящему тротуару. Мокрые комки падали на плитку, сбиваясь в мутную кашу. В лужах плавали окурки. Ветер залетал за воротник. Я двигалась по инерции, надеясь не навернуться. А дома был ты...

Я закутила тебя в пелёнку, вытерла нос ваткой с перекисью, закапала в ноздри вазелинового масла. К глазкам я снова приложила тампоны в чае. Ты не шелохнулся. Так и ле-

жал маленькой ушастой мумией. Я распарила шалфей, как мне посоветовали, и расставила вокруг тебя ванночки для ингаляций. Резко запахло медициной. Горечью, тревогой и болезнью. Ты тяжело засопел, зачихал. Я зажгла свечи. Просто так. Чтобы вспомнить чувство уюта. Думаю, примерно так выглядело заклятие в Древней Греции.

Я уселась с книжкой в кресло – как любила: с ногами, с чаем, с Бетховеном в наушниках – но всё время поднимала на тебя глаза. Ты не двигался. Совсем. А вдруг ты умер? Что тогда я буду делать? У меня даже нет лопаты, чтобы вырыть могилу. Да и земля сейчас уже промёрзла. Мой взгляд скользнул по сетке с мусорными пакетами. Чёрные, плотные, сто двадцать литров.

Помнишь, как мы с тобой вышли с такими на городской субботник? Весна уже звенела, я выстукивала каблукками по сухому солнечному асфальту, мы безудержно маялись дурью. И внезапно решили «благоустроить территорию»... Какой-то активист выдал нам инструмент и большие пупырчатые перчатки. Ты сгребал листву в кучи, а я, визжа от «невыносимой лёгкости бытия», скакала по палисаднику с этими чёрными мешками и кидала в них обёртки от чипсов, сигаретные пачки, бутылки... А потом я плюхалась на гору листьев и делала очередное неуклюжее селфи. Иногда ты снимал с моих волос гусеницу или жучка, тогда я вопила и трясла шевелюрой, как в пляске святого Витта. А ещё эта листва жутко воняла – прелостью и собачьим дерьмом...

Ветеринар сказал мне больше не душить тебя, Зая. Это вредно. Но я всё равно побрызгала пелёнку одеколоном. Мне нужно ощущать этот аромат. Твой. Апельсиново-перечный. Пыльно-потный. Родной.

**

Это тяжело, Зая. Не получать свой имбирный латте по воскресеньям. Выносить мусор всегда самой. Настраивать «Зум» по видеоинструкции. Менять субтитры на «Нетфликсе», не зная английского. Моя жизнь стремительно усложняется, и это пугает. Сегодня я стояла в очереди в том обшарпанном ДК, возле которого вечно курят гоп-компанияи... Оплачивала свет, даже спорила из-за счётчика. Полчаса бездумно листала ленту инстаграма, пока все эти дотошные бабушки не пересчитали свои монетки... По дороге купила в палатке моркови и букетик укропа. Да, только такие букетики мне теперь положены, Зая.

Сказать честно? Я не хотела идти домой. Дай мне волю, и я бы бросила в снег эту чёртову авоську с овощами, распустила волосы и помчалась на какой-нибудь случайный фильм в ближайший ТРЦ, как студентка после зачёта. А там уже, знаешь, иллюминация новогодняя, и ёлочка из «Лего», и кофе по акции... А потом в клуб. Охранник паспорт спросит, посмеётся, что мы с ним ровесники... Интеллигентно посижу на диванчике с пина коладой, а там, глядишь, и пару шотиков опрокину. И – «Уг-нала тебя, уг-нала...» – на бурлящий

танцпол. Дискотека девяностых, девушки в лосинах, стразики, дешёвый разгуляй... Эх, Зая, Зая...

Кажется, я тоже простыла. Чуть саднит горло, и градусник показывает тридцать семь и три. Ну, и кто будет меня лечить? Я усмехнулась и погладила твою облезлую шерстку. Ты подобрал под себя лапки и довольно грыз сосновую ветку. Я щёлкнула тебя по носу. Да, Зая, теперь всё сама. Всё сама.

Хорошо, что у меня есть пол-литровая кружка. Разведёшь кипятком малину – и отхлёбываешь по глоточку. На полчаса можно забыть о телодвижениях и гудящем чайнике.

Раньше при первом моём чихе ты вскакивал среди ночи и бежал в круглосуточную аптеку, через десять минут дзынькала эсэмэска в твоём мобильном о списании энной суммы, через пятнадцать – ты возвращался, запыхавшийся, с кучей антигистаминных, сосудосуживающих, иммуномодулирующих... Обязательно с батончиком гематогена – просто чтобы порадовать. Я усиленно сморкалась в ванной и, пахнущая вьетнамской «Звёздочкой», прыгала под одеяло – к тебе, холодному, безвольному, уже спящему.

В полдень я просыпалась – мягкая, обессиленная. В закрытых глазах догорали кадры солнечного сна, уютно скрипел паркет под тяжестью твоих шагов, звенела ложечка в чашке. Ты поил меня малиной, гладил по волосам, целовал в висок. Яичница была в форме человечка: желтки-глазки, нос-огурчик, улыбка-чили... Я взвизгивала от изумления и

тянулась за камерой смартфона. В пыльное окно вдруг врывался юркий луч, и меня захлёстывала энергия. Я бросалась тебе на шею и нервно чмокала в щёки, колючие, опухшие, трогала царапину на подбородке. Морщинки в уголках твоих глаз пускали усики, ты притягивал меня к себе, а я нежно отстранялась, потому что ещё не чистила зубы... Я хрустела огурцом, разглядывая трещины в потолке, ты доедал холодную яичницу. От чая с малиной уже мутило... День был монотонен и ясен: все серии «Гарри Поттера», пачка печенья, подышать над картошкой. Или нырнуть в какую-нибудь отважную экзотику – «Робинзон Крузо» с середины, «Таинственный остров»... А ты, в наушниках и рваной майке, отчётливо стучал по клавишам, каждые полчаса вставая долить мне кипятку и сгрести в мусор платочки.

Я вылезла из пледа и пошлёпала к холодильнику. Бутылка минералки, два бичпакета, засохший кусок пармезана, четыре яйца... Я захлопнула дверцу, магнетик с Курском снова оторвался, я машинально подняла его и прилепила на место – между Сочи и наклейкой с вином, потом опять открыла холодильник. Повертела в руках пармезан, потянулась за ножом, отрезала пластинку. Уголки пушились белой плесенью. Я швырнула сыр в ведро и долго отмывала руки розовым мылом. Тоска... Ложка с малиновым вареньем глухо звякнула в кружке, затих чайник, я пролила кипяток на клеёнку. Пить не хотелось, есть не хотелось. Нужно было позвонить начальству, сказать, что не выйду завтра, попрыскать

цветы, поменять тебе песок, вынести мусор, купить носовых платков... Я раскрыла ноутбук, чтобы включить какой-нибудь пред рождественский влог или обзор фильма. Кипяток с малиной обжигал язык, на меня смотрел весёлый беленький Зая – он махал лапкой и желал мне приятного чаепития. Я вдруг осознала, что даже пальцем не прикоснулась к твоей кружке с тех пор... Она всё так же стояла с краю, на чёрной клеточке клеёнки, с разводами внизу, с коричневым налётом внутри, а Зая на ней был всё такой же – чистенький и пушистый. Я через силу отпила кипятка и взглянула на тебя – ты всё так же пыхтел на подушке и грыз ветку. Но странно – я этого не слышала. И запаха как будто не было...

Я ужасно выглядела. Лицо оплыло, прыщ на щеке, волосы взлохмачены, нелепый полосатый халатик... Я медленно отхлёбывала из кружки и рассматривала себя в дисплей. На чёрном экране маслились отпечатки пальцев.

**

Мама сказала, что тебя надо бросить, Зая. Знаешь, обычные сердобольные причитания, дескать, я ещё молодая, мне такой груз не нужен, не ставь на себе крест, а как же дети, ты же женщина в конце концов... Я думаю, всё как-нибудь разрешится. Гугл говорит, что зайцы живут двенадцать-семнадцать лет. Если оценить твой внешний вид, зубы, вес и составить простую пропорцию...

Лет через пять мне стукнет всего лишь тридцать четыре.

С гиалуронкой и блестящим взглядом я буду ещё совсем девочкой: розовые тени, ямочки, шеллак с сердечками... Сдам нашу квартиру и укачу в Швецию на стажировку – на полгода, или год, или даже два. Буду выезжать на велике с рассветом, мчать через непричёсанный лесок, здороваться с чайками на набережной... Стол пахнет древесиной, в белой вазочке ветки хлопка, монитор запотел от кофейного пара... Уже в четыре вечера буду счищать снег со своего голубого «Кресента», румяная от мороза и довольства, после забаррикадируюсь в полупустой комнате с искусственным камином. На стеклопакет будут налипать мокрые хлопья, огни внизу – гаснуть, я буду глотать горячий глёт и смотреть в ясное чёрное небо и даже разгляжу Полярную звезду. Через пару месяцев я пойму, что улыбка старшего аналитика Юхана как-то особенно мила и двусмысленна, мы соприкоснёмся рукавами, выпьем по капучино, он пригласит меня на Снежный фестиваль, я попробую сюрстрёмминг, меня вытошнит на его атласную сорочку, и это нас сблизит. Неловкий заразительный смех, замачивание рубашки в раковине, нелепые поцелуи. Главное, вовремя приправить отношения абсурдом...

Я налила ещё стопку и чокнулась с отражением. Весело жить на свете! Я вскочила со стула, и с него слетела подушка. Левую ногу пронзили мириады иголок, и я свалилась на пол. Как интересно: под столешницей такая красивая деревянная решётка, а в углу паутинка, и в ней, кажется, притаился паучок. Я выползла из-под стола. Паркет был отрезв-

ляюще горизонтален и приятно массировал лопатки. Люстра светила мягко и камерно, стеклянные капельки кружились вокруг своей оси, по потолку плавали тени. Я встала и опустошила рюмку. За окном уже моргали фонарики, мой маленький бог хитро лыбился.

– Алиса, поставь хорошую музыку! – я накрасила губы чёрным и показала зеркалу язык.

– Включаю вашу радиостанцию, – отозвалась моя единственная подружка, и тишину декабрьской ночи разорвал гортанный фальцет Бритни: “I played with your heart and got lost in the game...”

Я напялила джинсовые шорты с бахромой, завязала на животе полы рубашки а ля ковбойка и розовыми резинками собрала волосы в два хвоста.

– Yeah yeah yeah yeah yeah yeah yeah! – я снова чокнулась с этой очаровательной девчонкой по ту сторону зеркала. Она мне лукаво подмигнула и тряхнула хвостами. И почему она не блондинка? Перекрашусь к Швеции... Я поцеловала себя, и на зеркале остался смолистый отпечаток губ.

Я прыгала по комнате, пружинил паркет, звенел хрусталь на этажерке. Откуда-то я вытащила полосатую буратинку и, найдя тебя распластавшимся под подушкой, нацепила её на тебя. Уши упрямо вылезали из шапки. Я взяла ленточку и связала их между собой. Ты взвизгнул – так резко, так отчаянно, что я опрокинула рюмку на кровать. Я чертыхнулась и шлёпнула тебя по огузку. Ты округлил свои болотные гла-

зищи и мелко задрожал. Такой толстый, жалкий, ободраный... Ты меня выбесил, прости! Я щелбанула тебя по лбу и с силой натянула тебе на башку буратинку. Кажется, хрящи в ушах хрустнули...

Oops, I did it again... Мне было весело, смешно! Я была красивая и бойкая... У меня было такое будущее! Комната вращалась, сердце стучало как локомотив... Хотелось праздника, безумия, карнавала. Я вывалила из ящика всё бельё, схватила наугад самую несуразную тряпку – малиновый купальник в фиолетовый цветочек – и спеленала тебя в неё. Потом нарисовала тебе щёчки коралловой помадой, как у Пикачу, а себе усы – чёрной – как у пантеры. Я красила тебе синей тушью несуществующие ресницы (и чуть не выколола глаз), мы танцевали танго, играли в прятки, я подкидывала тебя под люстру... Уснула я в кресле – с икотой, волосами во рту и без трусов.

**

В начале пятого я проснулась – от тахикардии, тошноты и холода. В голове лопались пружинки, потолок вращался, я лежала в луже мочи. Ты, бедный, не смог выбраться из синтетической ловушки и нагадил прямо в купальник. Фу. Жёлтое пятно расползлось по розовой простыне, на подушке чернели полосы от помады... Наверное, очень воняло. Но я опять не чувствовала. Всё было привычно-омерзительно... Малиново-лиловый свёрток неподвижно валялся у кровати.

Паркет был ледяной, как плитка. Неужели отключили отопление? В декабре? Я скинула одеяло – меня обдало тоскливой, холодной зимой. Батарея еле теплилась. Чёрт, новые заботы...

Я раздвинула шторы – за окном была молочно-серая тьма. Я прижалась лбом к стеклу и закрыла глаза. Холодок взбудоражил мозг – мой детский лайфхак, как быстро прийти в себя.

Я сорвала с кровати мокрую простыню, бросила в неё тряпки, раскиданные по полу, и швырнула всё это в стиральную машину. Потом меня вытошнило. Потом я пила воду из чайного носика. А с каким удовольствием я чистила зубы и принимала душ, ты не поверишь, Зая! Я вспенивала персиковое мыло, и мазала лицо алтайской глиной, и втирала в руки лавандовый крем.

Горло не щипало. Глотать было не больно. Я накинула пальто и, тихая, грустная, с полувлажными волосами, выпорхнула из квартиры за кофе.

Игорёк из круглосуточного кафе мне бодро козырнул и, взбивая молоко, спросил, почему *мы* не заходим. Я пожалала плечами и улыбнулась левым уголком губ. Игорь посмотрел на меня кошачьими глазами и многозначительно протянул: «Пробле-е-емы?» Этот забавный паренёк всегда так делал, я обычно смеялась, он приобнимал меня за плечи, и в уютных кофейных парах я рассказывала ему какую-нибудь чепуху, вроде того что я потеряла серёжку или на работе сломался

принтер. Можно было поканючить и потеревить фенечки на его запястье, тогда он чмокал меня в щёчку и бесплатно наливал в мой латте шоколадный сироп. Игорёк милый и безопасный, то ли гей, то ли хиппи, то ли новый Иисус.

А сейчас я нахмурилась и отвернулась. Но добрый Игорь всё равно меня обнял и начал шептать чепуху за меня. Про беременную собаку и неработающий тостер. Меня это умиляло, но слушать не было сил. Перед глазами маячило что-то сине-оранжевое. Я сморгнула и увидела распечатку «Танца» Матисса. А Игорь – крупную слезу, скатившуюся у меня по щеке и упавшую с подбородка. Он так по-детски ахнул и – не успела я исправить положение шуткой – поцеловал меня в скулу. Сухо, сдержанно, заботливо. Воистину Иисус. Усы кольнули щёку – я чуть скривилась, а он уже утянул меня на пуфик и с очень серьёзным видом спросил: «Нина, что случилось?»

Было так тепло, тихо, свежесваренный раф пах клубникой, я прихлёбывала из своей любимой беленькой чашки с Тилимилитрядией, наледь на окне всё чаще освещали фары проносящих машин. Я рассказала Игорьку всё, Зая. Что ты уже три недели не работаешь. Что валяешься на кровати без дела. Что я вынуждена тебя содержать. И кажется, у тебя кто-то появился. Ведь как женщина я тебя больше не интересую. Да, Зая, я чуть присочинила. Самую малость. Чтобы этот святой с соломенными дредами меня пожалел. Когда я обмолвилась о таинственном «ком-то», он прикусил ниж-

нюю губу и ритмически закивал. Знаешь, как те собачки в машинах.

Когда я замолчала, он погладил меня по голове. А потом тихо и вкрадчиво увещевал сходить к семейному психологу. А почему не в церкви свечку поставить, дорогой Иисус? Испанский стыд... Моя кривая улыбка прикрывалась чашкой, как вуалькой. Игорёк продолжал: что-то про новый подкаст, про «созависимость», притащил какую-то гляцевую книжку... Эх, а ведь он такой милый, когда говорит про беременных собак!.. Пора было допивать кофе и ретироваться. Но Игорёк как раз раскрыл книгу на развороте, и его быстрые пальцы запорхали по иллюстрациям. Созависимость в поп-культуре: Том и Джерри, Пинки и Брейн, Заяц и Волк из «Ну, погоди!»...

Зая... Я вспомнила малиновый свёрток на холодном паркете. Бедный мой мальчик! Надо бежать.

**

Я усиленно тёрла пол. Казалось, паркет пропитался твоей шерстью, Зая. Я повсюду видела какие-то белёсые волосинки, и они шевелились! Как будто из щелей повылезали глисты и заполонили всё... Я драила пол, проходила с тряпкой каждый сантиметр, на колени липли крошки и кололи кожу. Я тёрла пятно от вина, блевотину, мочу, жир... Запахов не было. Почему их не было, Зая?! Молчишь... Спишь, как всегда...

Когда я промывала тряпку под душем, меня снова вырвало. С мокрой ткани лилась грязно-розовая вода. Комки волос и шерсти воронкой улетали в слив. С кофе это плохо сочетается... Я встала и отряхнула колени. По ноге бежала кровь. Подняла юбку: чисто. Значит, пропоролла колено... Я пригляделась: на акриловом поддоне что-то блеснуло – стекло...

Я упала на кровать, идеально плоскую и гладкую, тюльпан на подушке разломился на две части. Где-то *там* был ты, Зая. Я чувствовала тебя, хотя не слышала запахов. Наступила пустота. А потом щиколотки начал царапать холод. Я очнулась, потрогала батарею, включила обогреватель. В окно вдруг заглянуло солнце. Я поставила чайник на плиту и Бетховена на репит. Дыхание нормализовалось, смысл жизни вернулся. Я резала морковку и звонила в диспетчерскую. Пушистый беленький Зая лыбился мне с кружки.

Ты восседал на ноутбуке. Большой, горбатый, сердитый, в буратинке. Я не стала её с тебя снимать – хочу остаться Мальвиной. Ты смотрел на меня сурово, с укором, кисточка на шапке нервно подрагивала, зубы ритмично стучали в такт «Аппассионате». Хочешь послушать кантри? Или панк-рок, Зая? Я оскалилась и обхватила кулаком буратинку. Ты взвизгнул и разинул пасть. Я подняла тебя за уши над полом, мы встретились взглядами: я – такая маленькая и такая большая – и ты – огромный и крошечный. Ты снова застучал зубами – уже не в такт музыке, а зло, хаотично. Я разжала

кулак, и ты шлёпнулся на кровать, в клумбу плоских тюльпанов. Пронзительно засвистел чайник.

Я налила кипятка в кружку, пакетик с чаем зашипел и утонул, багровое пятно расплзлось по воде. На кровати дышало пышное тельце, оно, как тесто, вздымалось над плоскостью, серой слизью растекалось по поверхности. Буратинка назойливо искушала, как красно-белый леденец в руке педофила. Я отхлебнула чаю и обожгла себе язык. Рот полоснуло ядовитым огоньком. Я выбежала в ванную, открыла кран и подставила язык под ледяную струю. Было больно и приятно. Я сделала глоток – горло пропиталось хлоркой. Я сплюнула, и меня снова вытошнило. Намокшая майка резала грудь и шею. Я вспотела. Наверное, дали отопление.

Я смыла с подбородка прогорклую слюну и полировала рот дегтярным мылом. Туда-сюда, туда-сюда, пинг-понг, бензопила «Дружба», одно лезвие бреет чисто, второе ещё чище... На резцах налипли чёрные кусочки. Ещё движение, ещё... Губы вспухли. Вкус мыльной щёлочи смешался с кислым коктейлем из переработанных жидкостей. Туда-сюда... Не помню, я рассказывала тебе, Зая? Мама в восьмом классе застучала меня с помадой, протащила за волосы через весь коридор коммуналки на двадцать комнат и тыкала носом в раковину – типичную такую ржавую раковину, знаешь, трещины паутиной, клубки седых волос в сливе, жёлто-красные харчки местных туберкулёзников... Меня вырвало кока-колой и макаронами, и мне прилетело по затылку. Мама

открыла кран, мне на башку с рычанием (знаешь, с таким утробным рычанием старых водопроводных труб – гррр!) полилась вода – конечно, холодная... Ты смеёшься, Зая? Как нечутко с твоей стороны. В общем, с тех пор я знаю, каково мыло на вкус. И всегда полирую рот, когда хочу себя накачать.

Я вытряхнула из слива непереваренные остатки пищи и вымыла руки. Где-то на кухне была пачка ментоловой жвачки...

Во рту долгожданно посвежело. Солнечные зайчики плясали на заляпанной жиром микроволновке и на идеально-белом икеевском столике. За окном капала, капала, капала вода, отдаваясь в глубине труб и в висках. Оттепель? Снежная шапка на подоконнике сжалась до тонюсенького беретика. Жарко! Мне вдруг жутко захотелось есть. Яичницу с беконом. И огромное заварное пирожное! Прямо сейчас – нацепить весенние ботильоны и сгонять в кондитерскую на углу... И морковки, Зая, прикупить тебе заодно – заслужил! Я ухмыльнулась, выпрямилась и завизжала. От вдруг переполнившего меня острого животного восторга. Ты помнишь это чувство, Зая? Когда ты сдал высшую математику, тебя угостили сосиской в тесте, а впереди две недели каникул. Когда сидишь в пустом кинозале и чокаешь ключом ледяной запотевшей «Фанты», а потом слышишь шипение пузырьков и гром первого трейлера. Когда новая песня Бритни, заигравшая в унылом такси, вдруг про тебя, и текст такой про-

стой, что ты даже понимаешь слова, и ритм – «ля-ля, ляляля, уоп-уоп» – сразу в голову, и пальцы уже барабанят по клатчу, и ты подпеваешь, подшлёпываешь губами... Я визжала и прыгала, паркет задорно поскрипывал. “She’s so lucky, she’s a star”, – во мне снова проснулась обаяшка Бритни и загорланила припевчик, лёгкий, как пёрышко, ясный, как апельсин. – “But she cries, cries, cries...” Из-под мышки пахнуло потом. Я фыркнула и стянула майку. Изрезанная грудь гордо поднялась и задышала ровно. Я убежала в душ.

Хлюп-хлюп – я всхлипывала от счастья, и дурацкие слёзки растворялись в полуржавом горячем потоке. Хлюп-хлюп – капала с волос липкая вода и вздымалась волдырями на кафеле. Жарко! Я промокнула полотенцем мокрую голову и завязала его на бёдрах.

Солнце было большим и разноцветным, как ядерная бомба. Стёкла сверкали. Бетховен тихо, неуверенно повторялся... Разумеется, ты уже спал, Зая. Отвернувшись к огненной батарее и дыша ртом. Куцая попа смешно шевелилась. Буратинка сдулась идохлым ужином валялась у лап. Я наклонилась над кроватью и заглянула тебе в мордочку. Полотенце соскользнуло с тела и комком упало на одеяло. На твоей нижней губе повисла блестящая капля. Усы вибрировали. Я зажмурилась и поцеловала тебя.

**

Мы всегда будем вместе, Зая. Ты мой. С любым запахом,

с любимым весом.

Я лежала голая, на сиреневых волнах заката, в поле тканых тюльпанов, и гладила тебя по ушам. Мой маленький, мой родной. Ты дышал тяжело, как будто задыхался, и не хотел открывать глазки. Я целовала тебя в нос, грудь, пузо, и меня разрывала изнутри гремучая, непобедимая нежность. Мордочка вздрагивала тихо, еле-еле, как будто ты вдруг стал игрушечным, плюшевым, а я просто придумала твоё дыхание. Но оно меня пропитало. Музыка замерла, запахов не было, ресницы затопило бесконечное фиолетовое солнце. По щекам прыгали крошечные, невидимые паучки – твои усы. Ты снова не побрился, Зая. Ты опять колот мне кожу. Шерсть была влажная, пресная, жёсткая. Ты впился когтями в запястье. Мои губы горели; твоя пульсация, неземная, эфемерная, проникла в меня через ушные раковины, волосы, веки и билась в кровеносных сосудах. Я расщеплялась на миллиард микроскопических Нин, все они ненавидели друг друга и изощрённо убивали, все они исступлённо целовали тебя, все они шептали на ушко...

Знаешь, Зая, скоро Новый год. Время блёсток и глупых чудес. Мы обязательно встретим его вместе, слышишь? Будет мишура на люстре, серебряная, пушистая, веточки сосновые – конечно! – в вазочку поставим, и рождественский джаз из колонок, и жаркое с травами, как ты делал, помнишь? Шампанское! Хочешь, целый ящик? Я куплю, правда! Не шучу!.. Что ты хмуришься, Зая? Что морщишь нос?

Не веришь? Глупенький, ты ведь мой, мой Зая... Как там, в «Реальной любви»? «Ты мой идеал, и моё израненное сердце будет любить тебя, пока ты не станешь похож на мумию». Ах-ха. Дурак, чего ты выпучил глаза? Испугался?.. Это просто красивая цитата. Да-а, раньше ты был пронизательнее, Зая... Как тяжело ты дышишь... Потерпи, скоро всё пройдёт... Смотри, какое солнце! Разноцветное! Дай лапу. Вот так... Это ты дрожишь или я? Не знаешь? Вот и я тоже не знаю...

**

Какая я красивая сегодня, Зая! Топаю левым каблучком по паркету, и серпантин вкусно хрустит под ногами. Сапожки скрипучие, лакированные, ядовито-оранжевые, как флуоресцентная гелевая ручка. Мой подарок себе, любимой, Зая. Ты ведь не возражаешь? “Yo, I’ll tell you what I want, what I really really want...” – на ютубе заголосила Мэл Би, я закусываю губу и двигаю подбородком в такт. Рука дрожит, и золотой карандаш выводит на веке смешную кривую линию. Чёр-рт! Я куксюсь, слюнявлю палец и тру глаза, но тело продолжает биться в экстазе: “Really really really wanna zigzag ha!” – и вот я уже на школьной диско в девяносто лохматом году, в блескучих лосинах и в боа из мишуры... «На вечеринке лучших друзей ты танцевал с подружкой моей...» – заиграла следующая песенка – простенькая и культовая, как Пауло Коэльо. «Вечеринка...» – взвешиваю это забытое, старомод-

ное слово на языке и облизываюсь. Зая, давай устроим вечеринку? Костюмированную. Рисую над верхней губой чёрную мушку и хищно подмигиваю. Какая я красивая, Зая! Ну скажи! Грудь-облачка, джинсовые шортики, серьги NI и NA – твой подарок, Зая! Помнишь? Бижутерия для девочек, сахарно, пошленько, но мило! Ну, что ты округлил глаза, мой поросёночек? Шучу, не обижайся! Ты просто так вырос у меня, покрупнел... Ну Зая! Ну чего ты такой? Странный? У тебя шок? Да это я, я! Видишь, вот кольцо на пальце, родинка на шее... А запах?! Понюхай, понюхай запястье! Не узнаёшь? Тоже не чувствуешь? Мы с тобой сейчас одно целое, Зая, у нас один запах на двоих... Вот мы его и не слышим... Ты боишься меня? Презираешь?.. А чего сморщился тогда? Да, парик дурацкий, зато дешёвый! Нашла вчера в магазине «Всё по 65» – его и хвостик... Видел хвост, Зая? Посмотри! Я машу тебе пушистым обрубок и приспускаю шорты. Во-о-от так! Гляди, мне в самый раз! Черчу ягодичками восьмёрку под «Я – это ты, ты – это я, и никого не надо нам...» и цокаю языком. А я забавная! Точь-в-точь Санаева в «Золотом ключике»... «Ка-кое небо голубое...» – мурлычу эту добрую, нежную песенку и пудрю лицо золотом. Ла-ла-ла-ла-ла-ла-а-ай, ла-ла-ла-ла-ла-ла-а-ай... Или я Ахули? Выпячиваю масляные губки и тарашу по-анимешному глаза. Всегда ощущала себя пелевинской героиней, Зая, умненькой, с прибабахом, но красивенькой... Ла-ла-ла-ла-ла-ла-а-ай... Говорят, терракотовый – цвет наступающего года... На

столе должны быть апельсины, томаты, морковь – и обязательно жаркое. Мясо я уже замариновала. В белом вине, Зая, с луком и перцем – как ты делал, помнишь?.. Да, не удивляйся, я откопала на полке твою поваренную книгу... Конечно, будет *не то* – ну а что тут попишешь? Жизнь – она, знаешь, продолжается. Новый год. Новые волосы. Новая история. Всё такое...

Мой маленький личный бог сегодня тоже шутив и развязен. Он жонглирует разноцветными огнями и плюётся снегом. Стёкла дребезжат от взрывов петард и клаксонов суматошных автомобилей. Праздник!... Наливаю себе шампанского и плюхаюсь в кресло. Пледик, ютубчик... Белокурая влоговая дива дегустирует шоколадки из календаря Адвента и болтает уютную чепуху, пузырьки вина щекочут горло, хрум-хрум-хрум, пш-пш... Я люблю её серьгами-ёлочками, пухлым розовым ртом – и проваливаюсь в счастливое бездумье.

Ай! Чувствую влагу на правом колене и просыпаюсь. Бокал соскользнул с подлокотника, и остатки шампанского вылились на меня... Смахиваю капли с ноги и бросаю взгляд на мобильник: 20:03! Уже! А ты, Зая, ещё совсем не готов! Тебе же тоже нужен костюм! Может, обвязать тебя дождиком? И буратинку надеть! Да, непременно! Она тебе так идёт... Белокурая дива на экране уже попивает винишко и чмокает камеру. Я встаю и, обстрелянная воздушными поцелуями, закрываю ноутбук. Пора начинать! Слушать Let it snow, ле-

пить стразы на ногти, запекать мясо...

**

“The fire is slowly dying, and, my dear, we’re still goodbying...” За стеклом вангоговская синь, махровые снежинки, по потолку бегают сиреневые тени, Синатра шелестит своим бархатом... Петарды затаились. Невидимые люди хохочут и визжат. Мой маленький личный бог залез в дом и бродит по праздничному столу: раз – блеснул хрустальный фужер, два – в капельке воды отразилась гирлянда, три – в оливковом масле утонула люстра. 23:57. Я наполняю два бокала шампанским и вывожу икрой «Зая» на тарелке – не настоящей красной, конечно, а имитированной, за 75 рублей. Прости, Зая, финансы поют романсы... Что ж, дорогой, подведём итоги года? Что важного у тебя? Вижу, ты в новом образе. Прекрасно! А я... вымыла полы, приготовила жаркое... и – па-па-бам! – прошла собеседование в Мальмё! В Мальмё, Зая, представляешь! Меня берут! Завтра уезжаю... Такое вот начало года! В паспорте уже свеженькая виза, на карте – евро, меня ждёт однушка в белой кирпичной коробке где-то на окраине... Ты рад за меня, Зая? Я молодец, правда? Молчишь... Ты всегда молчишь... В том году, когда мы загадывали желания под бой курантов, ты так и не сказал мне, чего пожелал... Интересно, исполнилось у тебя или нет? У меня – да: я попросила у бога свободы и сапожки... 23:58 Слышишь, как шумят, Зая? Счастливый непри-

каянный мат, разгуляй... Сейчас начнутся взрывы, будут валяться в снегу и бить посуду... Хороший год, Зая. Мы провели много времени вместе, узнали друг друга лучше. Преодолели кризис. Вышли на новый этап отношений. Прости, что была нечуткой... Мало готовила, кричала, не так ласкала... Наверное, всё могло решиться иначе. Может, действительно стоило сходить к семейному психотерапевту, как бариста советовал?.. Ну да что уж теперь! Всё хорошо, правда ведь? Еда, стол, огоньки, выходные... Ты тоже извинился бы, Зая. Тебе есть за что... Абыюз, манипуляции, шкурные интересы... Чёрт, прости. Прости. 23:59 А жаркое пахнет, Зая! Так аппетитно! Хочешь кусочек, дорогой? Знаю, знаю, что ты у нас веган... Но кусочек? Маленький? А как же расширение горизонтов? Принятие себя?... Не хочешь? Шут с тобой, а я всё равно тебе ножку отрежу... Вот так... И мне ножку... 00:00 Я слышу куранты, Зая! Чую позвоночником. Стены содрогаются, как живые. Я словно в гигантской вене, в большом квадратном теле... И тело во мне... Смешно!.. Скоро, совсем скоро новая жизнь! Я хватаю тетрадный клочок, ручку и пишу “Lugn, bara lugn” – наше желание на будущий год. Помнишь, смотрели летом «Карлсона» и придумали? Сонное утро, смятые простыни, песочное солнце сквозь занавески... «Спокойствие, только спокойствие...» Да, это и есть счастье!.. Я чиркаю спичкой и наблюдаю, как “lu” чернеет, пухнет, и наше «спокойствие» рассыпается в пепел, растворяется в шампанском. “The fire is slowly dying, and,

my dear, we're still goodbying..." Чокаюсь с твоим фужером и выпиваю залпом: кисло,пряно, с дымком и надеждами. 00:00:50 Пей, Зая! Это наше общее желание! Вливаю вино тебе в рот. Вот так, Зая! Вкусно? Терпкое такое, да?... Шампанское вытекает на стол, серо-золотое пятно расплывается по скатерти. 00:01 С Новым годом, Зая! Стены сжимаются в дружном рычании: «Ур-ра! Урр-рра! Урррр-ррра!!» Звенит хрусталь, стекло, грохочут петарды, в небе разрывается малиновая бомба и осыпает город розовыми ромашками. Они несутся вниз, освещая снег. В комнату залетают алые блики. Мой маленький бог подмигивает мне с высоты разноцветными глазами. "Since we've no place to go, let it snow, let it snow, let it snow..."

**

Сегодня я лягу спать в 2:03. В 7:00 меня разбудит привычное «та-ра-та-та-тай-та». Я потянусь, разлеплю глаза, встану и шагну навстречу предрассветной тьме. За окном будет тихо и морозно. Мой маленький личный бог ещё не проснётся. Я прошлёпаю в ванную. Паркет будет ледяным и отрезвляюще горизонтальным. Я открою кран, и с глухим утробным рычанием мне на ладони польётся холодная вода. Всё быстрее, быстрее, поток вырастет, утолстится и потеплеет. Я сниму рыжий парик, взлохмачу потные волосы, смою с лица блёстки, тени и жир, протру щёки и лоб мицеляркой – и посмотрю на себя в зеркало. Уставшая, стареющая, полнова-

тая. Я улыбнусь и подмигну себе – и вот я уже обаяшка Бритни из девяносто девятого. Выдавлю на щётку колбаску зелёно-аквамариновой пасты, вдохну мятный аромат. Перфекционистски вычищу рот, сплуну кровь, выковырю зубочисткой остатки мяса, застрявшие между клыком и резцом. Идеально! Пройду в комнату, скину с себя всю одежду и швырну её в помойку. Туда же полетят лисий хвостик, парик и замасленная буратинка. Дзынькнет о пустую бутылку колечко. Я потянусь навстречу невидимому солнцу, оболую себя сиреневой туалетной водой и достану с верхней полки вот тот большой клетчатый чемодан. Чёрный костюм, белая блузка, спортивные туфли, дутые зимние штаны, пара шерстяных свитеров, свежее бельё, нераспакованные колготки. Я застегну молнию и поставлю кодовый замок «00:00». Натяну чистые джинсы, ботильоны с меховой оторочкой, тёплое бесформенное худи. Уберу волосы в кичку. Вымою посуду. Ототру жир и дождик от противня. Брошу кости в тот чёрный мешок. Открою его аккуратно, чтобы вонь от внутренностей и шкуры не навевала воспоминаний... Раз! И тут же залеплю клапан. Вымою руки и ногти розовым мылом. Выкурю сигаретку. Шоколадную. Раз в год, по такому случаю, можно себе позволить... Накину пальто, шарфик, сумку с паспортом и кредитками, возьму чемодан и мусорные пакеты. Выключу свет, поверну ключ в двери, преодолею несколько холодных лестничных проёмов, и меня окутает морозная глухая тьма. Сделаю несколько шагов по молодому, пушистому снежку.

Он заскрипит под каблуками, хрустнет пару раз маленький ледок. Я опущу пакеты в мусорный контейнер и, морщась от запаха и вида, быстро зашагаю назад. Вдали мелькнёт своими красными глазами такси, я улыбнусь, отряхну руки, вдохну чистый, новый воздух и буду ждать авто, которое увезёт меня в иную жизнь. Lugn, bara lugn. Я больше никогда не буду есть мясо. Аминь.

Спасибо за прочтение! Автор рад любой, даже негативной, обратной связи: ninnel1@yandex.ru